

Русская литература XVIII–XXI вв.

В диалоге с литературным и культурным наследием

Literatura rosyjska XVIII–XXI w.

W dialogu ze spuścizną literacką i kulturową

pod redakcją Olgi Główko i Ewy Sadzińskiej

v. 1435735

PRIMUM VERBUM
ŁÓDŹ 2010

РИММА ЛАЗАРЧУК
Череповец (Россия)

М. Н. МУРАВЬЕВ И ЖАН ДЕ ЛАФОНТЕН (ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА)

Лафонтена воспринимали в России, прежде всего, как баснописца. Русскими Лафонтенами в разное время почетно именовали А. П. Сумарокова, И. И. Хемницера, И. И. Дмитриева, И. А. Крылова. Муравьев не был удостоен этой чести. Между тем встреча с Лафонтеном для самого поэта, несомненно, была событием. Об этом свидетельствуют запись ретроспективного характера в одной из рабочих тетрадей поэта и тот ряд имен и фактов, в который басни Лафонтена поместила память писателя: «Обед у Майкова. Университет. Басни Лафонтена. *Федра* Расинова. Михайло Матвеевич Херасков. Елизавета Васильевна [Хераскова]. 1773»¹. Интерес Муравьева к французской литературе XVII в. возник очень рано, во время учебы в гимназии Московского университета (1768–1769), и оказался чрезвычайно устойчивым (в архиве Муравьева хранится литературно-критический очерк на эту тему²). О самостоятельности мышления и независимости вкусов Муравьева того времени свидетельствует соседство «низкого» (басня) и «высокого» (трагедия), уравнивающее их эстетическую ценность. (Не будем забывать, что в начале своего творческого пути, по собственному признанию, он более всего «прельщался [...] быть творцом трагедий»³.) Имена В. И. Майкова и супругов Херасковых, а также дата – 1773 – выполняют роль своего рода опознавательных знаков. Анализируемая нами запись не что иное, как краткое, конспективное изложение двух памятных событий в жизни Муравьева, относящихся к 1773 г. Второе, начнем с него, связано с чтением перевода *Федры* в доме Херасковых, куда шестнадцатилетний поэт был приглашен вместе с отцом, Н. А. Муравьевым. Первое имеет самое прямое отношение к публикации *Басен* Муравьева и реакции на них Хераскова: «Мих<аил> Матв<еевич> Херасков у Вас<илия> Ив<ановича> Майкова в доме попрекал мне, что я не читал их

¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 499. Ед. хр. 30. Л. 16 об.

² Там же. Ед. хр. 63.

³ Цит по: Л. И. Алехина, *Архивные материалы М. Н. Муравьева в фондах отдела рукописей*, [в:] *Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина*, Москва 1990, с. 32.

никому прежде печати»⁴. Однако упоминание о «Лафонтеновых баснях» едва ли случайно. И не только потому, что разговор о басне непременно должен был стать разговором о басне Лафонтена. Для того, чтобы уяснить, кто был поэтическим наставником Муравьева, его воображаемым собеседником, достаточно и беглого ознакомления с его баснями.

Что такое диалог в понимании Муравьева? Чтобы найти ответ на этот вопрос, сравним две записи из рабочих тетрадей поэта. Первая относится к великим писателям, к Расину в частности: он «один [...] бы мог в след идти Вергилию или с ним бороться»⁵. Вторая имеет характер глубоко личного признания и непосредственно связана с нашим сюжетом: «Я формировался по первым моделям, которые в руки попали. Писал сонеты в Вологде. Передразнивал де Лафонтена, Горация и Ломоносова»⁶. Упоминание Вологды позволяет установить время написания басен (лето 1771 – сентябрь 1772), определить если и не самое начало диалога с великим французом, то, по крайней мере, период наиболее активной работы, завершением которой стали изданные в 1773 г. *Басни лейбгвардии Измайловского полку фурьера Михайлы Муравьева*.

Формирование по «моделям» вполне естественно для искусства, главным принципом которого было подражание образцам. Гораздо важнее другое: какой модели отдано предпочтение. Выбрав в качестве поэтического наставника Лафонтена, Муравьев четко определил свою позицию в напряженных спорах своего времени о басне, ее функции, художественной природе и структуре⁷. Басне философско-нравоучительной пятнадцатилетний Муравьев предпочел поэтическую, отвергнув прямолинейную дидактику, он выбрал рассказ, непринужденное повествование. Но и это не всё. Созданную Лафонтеном жанровую модель, Муравьев осваивал весело, шутя, играя, как ребенок. Ученик позволял себе «передразнивать» учителя.

⁴ В. А. Западов, *Муравьев Михайла Никитич*, [в:] *Словарь русских писателей XVIII века*, вып. 2: (К–П), Санкт-Петербург 1999, с. 306.

⁵ Цит. по: М. Н. Муравьев о чтении: из рабочих тетрадей конца 1770 – начала 1780-х годов, вступит ст., публ. и примеч. И. Ю. Фоменко, [в:] *Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов библиотеки Московского университета*, Москва 1997, с. 110.

⁶ РНБ ф. 499, ед. хр. 30, л. 87.

⁷ См. об этом: И. З. Серман, *Русский классицизм (Поэзия. Драма. Сатира)*, Ленинград 1973, с. 188–203.

Басни Муравьева открываются посвящением и завершаются эпилогом. Х. Имендерфер объясняет их появление влиянием М. М. Хераскова⁸. Но посвящение к сборнику басен Хераскова написано прозой, *Заключение* – стихами. Они объединены единством поэтической установки:

Полезное с приятным
В стихах соединить⁹.

Думается, что такие элементы архитектоники басен Муравьева, как *Посвящение* и *Пролог*, генетически восходят к Лафонтену.

Лафонтен был автором трех сборников басен. Первый (1668) состоял из посвящения наследнику французского престола, шести книг (1–6) и эпилога. Второй, двухтомник, (1678–1679) – из пяти книг (7–11) и завершался эпилогом. Последняя (12) книга опубликована в 1693 г. Пятнадцатилетний Муравьев знал басни Лафонтена в полном объеме. Мало того, он перенес композиционную структуру целого (посвящение, книги басен, эпилог) на часть. Первая книга басен Муравьева представляет собой уменьшенную копию грандиозного (по своему масштабу) «здания» лафонтеновских басен. Сократив расстояние от стихотворного посвящения до эпилога, Муравьев добился большей связанности целого. Каждая из книг Лафонтена включает от 9 до 27 басен; в 1-й книге Муравьева – 19 басен.

Сопоставление «начал» и «концов» двух сборников позволяет увидеть, как свободно обращался Муравьев с избранным образцом.

Один из мотивов эпилога ко второму сборнику басен Лафонтена (напомним, он состоял из 11 книг) – мотив *вялого, слабого* стиха¹⁰ – переносится в посвящение и преобразуется в основную тему, определяющую принципиально новый характер отношений между адресатом и адресантом. Исчезла традиционная для посвящения прагматическая установка на покровительство, а следовательно, на повышение социального статуса адресанта. Фурьер Измайловского полка Муравьев посвятил свой

⁸ Н. Imendoerffer, *Die Geschichte der russischen Fabel im 18. Jahrhundert*, т. 2, Wiesbaden 1998, с. 559–560. За указание на этот источник автор чрезвычайно признателен Н. Ю. Алексеевой.

⁹ М. М. Херасков, *Нравоучительные басни*, кн. 1, Москва 1764, без пагинации. Кн. 2, с. 74.

¹⁰ «О, знаю я, что вял и слаб мой стих! / Но пусть он слаб...» Цит. по: Эзоп, Лафонтен, Крылов, *Полное собрание басен в одном томе*, Москва 2010, с. 688. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

поэтический сборник полковому командиру генерал-поручику действительному камергеру и ордена Св. Анны кавалеру князю Петру Алексеевичу Голицыну. Это формально. В действительности один любитель прекрасного обращается к другому и нуждается он не в протекции, а в помощи литературного критика, «редактора»:

Как ныне слабый стих к тебе я обращаю,
Голицын, князь! Прости, что, в сей пустившись путь,
Тебе нестройный глас я править поручаю¹¹.

Эпилог к басням Муравьева обнаруживает явную зависимость от *Эпилога* к 1-му сборнику лафонтеновских басен (он следует за 6-й книгой)¹². Объектом «передразнивания» становится мотив «окончания» одной «работы» и начала новой. Завершение 1-го сборника басен: «Окончена работа эта!» (с. 458) для Лафонтена было отмечено возвращением к повести *Любовь Психеи и Купидона*: «Велит Амур, мучитель милый, / Мне завести иной рассказ» (с. 458).

Эпилог к басням Муравьева начинается с мотива «слабого стиха» (напомним, он восходит к *Эпилогу* 2-го сборника басен Лафонтена и уже звучал в посвящении Голицыну). Однако повтор этого мотива выполняет не только композиционную функцию. «Слабый стих» – категория оценочная. Окончание работы над «незвучными баснями»:

Окончим слабый стих, я труд свой совершил,
О муза! отложи на час свое внушенье (с. 33)

осознается как пауза, необходимая для «отдохновения от трудов» и собирания «новых сил». Муравьев готовился воспевать героев – «Атридов за презор Ахилла раздраженна» (с. 33).

Из 19 басен, составивших первую книгу Муравьева (как установили Л. И. Кулакова¹³ и Х. Имендерфер¹⁴), четыре (*Лисица и Козел*, *Кошка и Лисица*, *Волк и Лисица*, *Зевес*) связаны с одноименными баснями французского поэта на уровне сюжета.

¹¹ Басни лейб-гвардии Измайловского полку фурьера Михайлы Муравьева, кн. 1, Санкт-Петербург 1773, без пагинации. Далее все ссылки на это издание с указанием страницы даются в тексте.

¹² На сходство этих элементов структуры сборников басен Муравьева и Лафонтена впервые указано Х. Имендерфер. См.: H. Imendoerffer, *Die Geschichte der russischen Fabel...*, с. 559.

¹³ Л. И. Кулакова, *Примечания*, [в:] М. Н. Муравьев, *Стихотворения*, вступит. ст., подготовка текста и примеч. Л. И. Кулаковой, Ленинград 1967, с. 326.

¹⁴ H. Imendoerffer, *Die Geschichte der russischen Fabel...*, с. 565.

Переделывая басню *Волк и Лисица* в 1780-х гг., Муравьев сознательно подчеркнет преемственность с французским баснописцем:

По крайней мере так случилось в похождении,
Которое Фонтень сказал передо мной¹⁵.

Диалог (скорее, спор) с великим французом продолжается в басне *Была-жила великолутчанка Лиса...* (вторая половина 1770-х гг.)¹⁶, входящей в состав рукописи-конволюта из собрания Российской государственной библиотеки:

Послушайте ж, была ведь Лиса голодна,
Чуть Лисонька жива. А в высоте висело
Многонько кисточек, чего? Вам все чего?
А я скажу, и сам не ведаю того.
Фонтень мой говорит, что кисти виноградны,
Для псковки мне они быть кажутся нарядны.
Во Пскове, как и здесь, ведь клюква – виноград,
А, впрочем, и о том не бьюсь я об заклад¹⁷.

Теперь обратимся к переводам басен Лафонтена, еще одной и очень характерной для Муравьева форме ведения диалога. Современная наука рассматривает перевод как вид литературного творчества, предполагающий «пересоздание текста», существующего на одном языке, на другой. Представление Муравьева о переводе реконструировано нами по записи, обнаруженной в его рабочей тетради из собрания Российской национальной библиотеки: «Перевод может сам служить вместо чтения»¹⁸. Значит ли это, что перевод был для Муравьева только способом знакомства с другой литературой и средством уяснения смысла прочитанного? Не этим ли обстоятельством объясняется и количество переведенных Муравьевым авторов (около 70) и характер перевода (фрагментарность и незавершенность)? Нет, перевод для Муравьева и «первая форма сочинения». Цитируемая нами запись не датирована. Однако ее обращенность в собственное далекое прошлое, к началу собственного творческого пути, не вызывает сомнений: «Недостаток идей в отрочестве

¹⁵ М. Н. Муравьев, *Стихотворения...*, с. 65.

¹⁶ Датировка Л. И. Алексиной. См.: Л. И. Алексина, *Архивные материалы М. Н. Муравьева...*, с. 41.

¹⁷ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки ф. 178 картон 11161, ед. хр. 1., л. 32.

¹⁸ ОР РНБ., ф. 499, ед. хр. 39, л. 63.

служит препятствию сочинению. Надобен порядок, чтоб заставить их мыслить, и много чтения»¹⁹. Следовательно, перевод для Муравьева был одновременно и пробой пера, поэтической школой. Но абсолютизировать этот взгляд не стоит. Иначе последовательность освоения Лафонтена русским поэтом выглядела бы совершенно иначе. К переводу басен великого француза Муравьев обратился уже после того, как опубликовал свои басни и *Баснь. Подражание Де Ла Фонтеню* («Гора в родах / Стон страшный испускала...»)²⁰.

Переводы пяти басен Лафонтена выполнены в середине – второй половине 1770-х гг.²¹. Четыре из них внесены (как более поздние записи) в первый из восьми журналов, составивших рукопись-конвюлют из собрания Российской государственной библиотеки. Напомним, здесь среди «вологодских упражнений» (журнал *Забава праздности* начат в августе 1771 г.) уже находился ряд басенных текстов. Для перевода выбраны басни Лафонтена, к которым до Муравьева обращались В. К. Тредиаковский и А. П. Сумароков (*Петух и Жемчужина*) или только Сумароков (*Крыса, оставившая свет, Осел в лвиной шкуре*). Исследователям еще предстоит установить, в какой мере этот контекст учитывался Муравьевым. Принято считать, что басню *Смерть и несчастный* переводили только в XIX в. – И. И. Дмитриев (в 1806 г.) и Ф. Е. Зарин (на рубеже XIX–XX вв.). Между тем первым переводчиком этой басни Лафонтена был М. Н. Муравьев. Сохранился незавершенный набросок 1776 г. *Из де Лафонтена баснь Стрекоза и Муравей*²².

Практическое освоение поэтического опыта Лафонтена сопровождалось теоретическим осмыслением законов жанра. Об этом свидетельствует литературно-критический этюд Муравьева, фрагмент которого обнаружен нами в архиве писателя, в так называемой «россыпи». Это отдельный лист, без начала и конца, судя по почерку, зачеркиваниям и исправлениям, – черновой автограф, бесценный для исследователя уже потому, что представляет уникальную возможность реконструировать самый

¹⁹ Там же.

²⁰ *Переводные стихотворения лейб-гвардии Измайловского полку капитанармуса Михайла Муравьева*, Санкт-Петербург 1773, с. 15–16.

²¹ Датировки всех переводов басен Лафонтена установлены Л. И. Алехиной. См.: Л. И. Алехина, *Архивные материалы М. Н. Муравьева...*, с. 66, № 77–81.

²² Подготовленную нами публикацию басен Лафонтена в переводе М. Н. Муравьева см.: *XVIII век*, сб. 24, ответ. ред. Н. Д. Кочеткова, Санкт-Петербург 2006, с. 312–316.

процесс проникновения в мир другого. Позволим себе обширную цитату, без комментария:

[...] какого бы роду ни было сочинение, но три действия равно необходимы. Возьмем к примеру басню. Один молодой князь²³ просил у Лафонтена басенку, которой бы заглавие было Кошка и Мышь. Каким образом принялся за нее Лафонтен? С первого взора обозрел, [...] как должны были поступать заданные ему лица. Кошка определена природою ловить, мышь быть пойманною. Но сие первое понятие не вело еще ни к чему. Писатель полагает, что мышь молода, а кошка стара. Нельзя выбросить ему сих двух обстоятельств, которые он изобретает, потому что они задачи его не переменяют. Однако они произведут действие: ежели мышь молода, так она несведуща, без опыту. Кот стар, так его провести несложно. Теперь мы близехонько подошли к тому, что искали. Лица есть характеры также; но где действие? Вот оно: молодая мышь, пойманная старою кошкою, хотела [ее] умиловить; но старый кот пренебречь просьбы ее не в силах. Вот основание басни, материя: это первое и главное действие разума, то, которое называется изобретение. Следует совершение сих первых частей. Мышь хотела умиловить кошку, следовательно, она ей говорила маленькую речь. Кошка пренебрегла ее, следовательно, сделала приличный ответ. Где взять сии речи? В знании нравов и в приличности. Мышь будет говорить по возрасту своему, по росту, по положению, кошка также. Приступим к разговорам²⁴.

Датировать фрагмент литературно-критического этюда поэта не удалось. Одно несомненно: он создавался после выхода басен Муравьева (1773) и связан с новым этапом освоения опыта Лафонтена. Басня великого француза теперь осознается как драма. «Характеры» и «действия» – таковы, по мнению Муравьева, главные художественные открытия Лафонтена. Ни того, ни другого в оригинальной басне Муравьева *Мышь и Кошка* (1773) не было. Не было в ней и диалога. Речь Мышки, «небоязливой и горделивой»

Затем, что кошки тут не видела она,

Которая в тот час вкушала сладость сна, –

уместилась в пять стихов. Остальной текст (двадцать пять стихов) – это сказ²⁵, неторопливый, обстоятельный, обнаруживающий

²³ См.: Герцогу Бургундскому (просившему Лафонтена написать басню под заглавием *Мышь и Кот* (с. 702).

²⁴ РО РНБ, ф. 499, ед. хр. 25, л. 1.

²⁵ Переводя басню Лафонтена *Кошка и Мышь*, Муравьев разрабатывает диалог героев. Авторское слово сведено до минимума, всего шесть строк, обрамляющих драматическую сценку: четырехстрочный зачин и двустрочный пуант. См.: Там же, л. 1 об.

способность автора, достойного ученика А. П. Сумарокова, «примерять» чужой сюжет к российской действительности:

Стояла на Руси мужицкая изба;
 Меж прочих жителей жила-была в ней Мышка.
 Не так чертей боялся робятишка,
     Судьи – столба;
 Не так, мне мнится,
     Бойтся
 Подьячишка кнута,
 Как опасается мышачий род кота... (с. 16–17).

В начале 1770-х гг. Муравьев учился у Лафонтена только искусству рассказа.

На рубеже 1780–1790-х гг. Муравьев опубликовал переводы двух фрагментов из басен Лафонтена *Сон Монгола* (кн. V) и *Два друга* (кн. VIII)²⁶. Их происхождение неизвестно, т.е. неясно, были ли эти басни переведены Муравьевым целиком, и в *Эмилиевы письма* он включил лишь два фрагмента или, наоборот, поэт перевел из этих двух басен Лафонтена только по одному отрывку, выбор которых диктовался тематикой письма 2 октября *Берново* и характерными для сентиментальной литературы мотивами уединения и дружбы.

Муравьев видел в переводе своеобразный способ «переодевания» «великого писателя». Это можно было сделать «худо» (что обрекало переводчика на «неудовольствие»²⁷ собой и горечь переживаний) или (добавим от себя) искусно, настолько искусно, что «пересозданное чужое» стало казаться «своим»; перевод приняли за оригинальное сочинение. Именно так произошло со стихотворным фрагментом:

Во друге истинном какое наслажденье!
 Выводит нужды он из сердца твоего,
     Предупреждает униженье
     Открытья самого.
 Его смущает сновиденье,
     Безделка, ничего,
 Когда касается любимого его.

²⁶ *Эмилиевы письма*, [Санкт-Петербург] б. г. Принято считать, что это произведение Муравьева напечатано не ранее 1789 г. Ввиду недоступности данного издания (сохранилось всего 2 экз.) текст цитируется по изданию 1815 г.

²⁷ М. Н. Муравьев о чтении: из рабочих тетрадей конца 1770 – начала 1780-х годов..., с. 117.

Со ссылкой (она дается в примечаниях) на первую публикацию (*Эмилиевы письма*) этот текст включен в раздел оригинальных стихотворений Муравьева²⁸, хотя о переводном характере цитируемого отрывка в *Эмилиевых письмах* говорится прямо:

Лафонтен умеет трогать нас, заставляя говорить животных. [...] Что может быть нежнее басни *Двух голубей*? Какое чувство владычествует в той, которой заключение привел я в начале – *Два друга*²⁹.

Причиной подобной аберрации стала разорванность текста (он дается в начале письма как стихотворная вставка в письме к другу после слов: «Ты поспешал не за расстояниями, а за нуждами друзей твоих. Разве ты выключаешь меня из числа их?»³⁰) и прозаического комментария к нему. Не значит ли это, что «переводчик» стал «соперником» поэта?.. Ситуация, тонко проанализированная В. А. Жуковским, но уже в связи с другим переводчиком Лафонтена – И. А. Крыловым³¹.

Необходимым условием возникновения диалога является сложившееся представление о творческой индивидуальности воображаемого собеседника, а оно основывается на глубоком понимании его личности. Этим обстоятельством объясняется интерес Муравьева к жанру очерка-портрета, посвященного писателю (*О Вергилии, Стерн и др.*) Отдельного очерка о Лафонтене Муравьев не написал. Свое глубокое, тонкое, исполненное любви и восхищения слово о великом баснописце он передал герою *Эмилиевых писем*. Муравьев, конечно же, знал биографии Лафонтена, созданные его соотечественниками. В своем понимании личности французского баснописца он основывался не на легендах о «простодушном добряке», чудаковатом, веселом, рассеянном и ленивом. Муравьев доверял только самому Лафонтену, его стихам: «Близок к природе, без суетных желаний, он *жил без забот и умер без угрызений*, по его собственному выражению. [...] Добрый человек...»³².

²⁸ М. Н. Муравьев, *Стихотворения...*, с. 233.

²⁹ М. Н. Муравьев, *Обитатель предместия и Эмилиевы письма*, Санкт-Петербург 1815, с. 119.

³⁰ Там же, с. 118.

³¹ В. А. Жуковский, *О басне и баснях Крылова*, [в:] его же, *Собрание сочинений*, Москва 1980, т. III, с. 383–384.

³² М. Н. Муравьев, *Обитатель предместия и Эмилиевы письма...*, с. 120, 119.

Письмо от 2 октября, написанное не ранее 1789 г., – последняя из известных нам «реплик» Муравьева в его воображаемом диалоге с великим французским баснописцем. Жуковский мог прочитать его только в 1815 г., после выхода издания прозы М. Н. Муравьева, подготовленного К. Батюшковым. Предположить, что в руках В. А. Жуковского до середины 1810-х гг., т.е. до того момента, когда он приступил к редактированию стихов Муравьева, мог оказаться его литературно-критический этюд о басне Лафонтена *Кошка и Мышь*, невероятно, совершенно невероятно. Между тем опубликованная в 1809 г. статья Жуковского о баснях Крылова имеет с письмом-очерком Муравьева поразительное сходство: созданную Лафонтеном «форму басни» оба писателя считают органическим следствием его характера. Совпадает и концепция личности Лафонтена: «большое дитя», которому «неизвестно» «искусство и принуждение»³³; «добродушный» человек с «невинным сердцем и неискусственной чувствительностью»³⁴. Не востребованные в «данный момент» (В. Н. Топоров) развития литературы идеи Муравьева были реализованы уже в другое время, в условиях другой литературной ситуации, и поэтому вошли в историю русской литературы в связи с другими именами.

Summary

RIMMA LAZARCHUK

MIKHAIL NIKITICH MURAVYOV AND JEAN DE LA FONTAINE
(PROBLEM OF DIALOGUE)

The present study is based on Mikhail Nikitich Muravyov's transposition of Jean de La Fontaine, a translations of his fables, an unpublished literary critical essay in which an attempt is made at a theoretical conceptualisation of the French fable-writer's artistry, as well as fables with common plots. The article sets chronological frames (1773 until the end of 1780s) and discusses different manifestations of the creative dialogue between Mikhail Nikitich Muravyov and Jean de La Fontaine, viz. acquirement, development and polemics.

³³ Там же, с. 118.

³⁴ В.А.Жуковский, *О басне и баснях Крылова*, с. 380.